

Алина Углицкая

СКАЗКА
ЛОЖЬ!

16+

Алина Углицкая
Сказка – ложь!

«Автор»

2015

Углицкая А.

Сказка – ложь! / А. Углицкая — «Автор», 2015

Любите ли вы сказки? Я тоже любила, пока не попала в одну из них. И все здесь, вроде, по законам жанра: и влюбленный герцог имеется, и злая ведьма. Только сказка оказалась настоящим ужасником, вместо красавца-герцога ночное чудовище, а моя жизнь не больше чем средство достижения цели для одной предприимчивой дамы. И вообще, попав в сказку – постарайся выжить!

© Углицкая А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	5
ДЕНЬ ВТОРОЙ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алина Углицкая

Сказка – ложь!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Катерина

Всегда знала, что каждое доброе дело строго наказуемо, но такой уж у меня характер – не могу пройти мимо тех, кто нуждается в моей помощи. Вот и сейчас, идя по главной улице нашего городка, я увидела пожилую женщину, которая с трудом передвигалась на костылях. Ее болезненно распухшее рыхлое тело обтягивало платье кричащей расцветки, короткие, по-мужски остриженные седые волосы торчали во все стороны, а по толстому некрасивому лицу стекал пот. Отдуваясь и кряхтя, она практически волочила за собой отекающие ноги, помогая себе костылями.

В тот момент, когда мы с ней поравнялись, она как раз замерла у высокого крыльца продуктового магазина, раздумывая, как бы поудобнее на него взобраться.

– Вам помочь? – участливо спросила я, беря ее под руку.

Но женщина вдруг рванулась в сторону с невиданной для больного человека прытью. Из-под кустистых бровей меня обожгло такой ненавистью, что я невольно отшатнулась.

Мимо проходили люди. Кто-то спешил по делам, кто-то празднично прогуливался, желая насладиться последним теплом уходящего лета. Никто из них не смотрел в нашу сторону, будто нас и не существовало.

– Добренькая какая! – ядовито процедила она, буравя меня злобным взглядом. – Тебе что, больше всех надо?

– Простите, – растерялась я от такого напора, – я ведь только хотела...

– Помочь хотела? – голос странной незнакомки стал вдруг неприятно-приторным, вкрадчивым. – И часто ты так людям помогаешь?

– Н-ну... если надо...

Я отступила на шаг, собираясь оставить эту женщину с ее костылями и идти дальше. Оставалось десять минут до закрытия банка, а мне срочно надо было заплатить за кредит. Но незнакомка вдруг вцепилась в мою руку с такой силой, что я невольно вскрикнула.

– Любишь помогать, значит, – прошипела она, едва не брызгая слюной. – Что ж, ты мне подходишь!

Не успела я и рта раскрыть, как она толкнула меня, заставляя подняться на ступеньку выше. Я уперлась спиной в стеклянную дверь магазина и теперь думала только об одном: как отвязаться от этой сумасшедшей. Мимо магазина проходила толпа, но ни один человек даже не глянул в нашу сторону, никто не заинтересовался, не скользнул взглядом даже случайно.

Я скосила глаза вбок, размышляя, а не зайти ли мне за хлебом, раз уж меня так прижимают к двери гастронома. За витриной расхаживал народ, абсолютно равнодушный к тому, что происходило вокруг.

– Ну! – женщина нетерпеливо ткнула меня костылем в грудь. – Заходи! А то там заждались.

Я оглянулась. Действительно, с той стороны двери две женщины уже спешили от кассы к выходу. Толкнула дверь, открывавшуюся вовнутрь, хотела развернуться, но споткнулась о высокий порожек. Неловко взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но тут эта ненор-

мальная второй раз ударила меня костылем, и я полетела навзничь, крича и судорожно хватая ртом воздух.

Встреча с бетонным полом магазина почему-то не состоялась. Я упала в какой-то странный туман, тут же окутавший меня со всех сторон – молочно-белый и густой, как кисель. Я тонула в нем, погружаясь все глубже и глубже. Закружилась голова, желудок ткнулся в горло, желая выскочить наружу. Исчезло чувство гравитации, я уже не могла определить, где верх, где низ. Наверное, именно так чувствовала себя Алиса, падая в кроличью нору...

Полет окончился внезапно и довольно болезненно. Вот только что я летела, распростершись пятиконечной звездой, сквозь непонятный туман, а в следующий миг уже врезалась затылком в рыхлую землю. И затылок, и отбитая поясница дружно застонали. Точнее, стонала я.

Закрыв глаза и расслабив мышцы, я лежала неизвестно где и неизвестно на чем. Встать и оглядеться мне не давал страх. Самое ужасное было в том, что я все прекрасно осознавала. Это в книжках попаданки думают, что спят. А тут какой сон?! Я ведь ни на мгновение не потеряла сознания и четко осознавала все свои действия. Мозг лихорадочно щелкал заржавевшими шестеренками, пытаюсь составить логический отчет о происходящем.

Наконец, когда боль немного утихла, я рискнула открыть глаза. М-да-а, ничего оригинального. Ночное небо над головой, яркие незнакомые звезды. И луна – огромная, закрывающая четверть неба, и к тому же кроваво-красная.

Я моргнула, пытаюсь осмыслить действительность. Так-с, и куда меня занесло? Приподнялась, повертела головой. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался дремучий лес с вековыми деревьями в два обхвата толщиной. Что ж, Катерина, могу тебя поздравить. Ты явно не на Земле. Теперь бы ещё понять, в какой стороне искать принцев, эльфов и драконов. Желательно красивых, мужественных и без памяти в меня влюбленных. Или здесь водятся продвинутые инопланетяне с мускулистым телом и нежной душой?

Как бы там ни было, а ночная прохлада заставила меня встать на ноги. Я с сомнением оглядела себя. Собираясь сегодня в город, я вовсе не учитывала, что придется совершать променады по ночному лесу. Короткий топ, открывавший плоский живот с блестящим камушком в пупке, узкая мини-юбочка спортивного кроя с яркой надписью на лампасе "Adidas". Золотистые босоножки на шпильке, состоявшие из тоненьких полосок, обхватывавших стопу поперек пальцев и крест-на-крест на лодыжке завершали ансамбль. А как еще одеваться в сорокаградусную жару молодой, свободной девушке? Уж точно не в паранджу!

Одно огорчало. Моя маленькая стильная сумочка в виде белого лакированного рюкзака без вести пропала. Хотя, я точно помню, что она крепко сидела у меня на спине. Может, поискать? Вдруг отлетела при падении? Да нет... как я ее найду в этой темноте?

Ночной холод был довольно ощутим, и я уже через пару минут покрылась мурашками. Обняла себя покрепче, пытаюсь сохранить тепло, и побрела наугад. Все равно не знаю, куда идти.

Вы пробовали ходить по ночному лесу на шпильках? Вот и не пробуйте! Каблуки проваливались в мягкую землю и гнилую листву, а не пройдя и десяти шагов, я зацепилась ремешком за какой-то сучок. Раздраженно дернула ногой – и тоненькая полоска искусственной кожи приказала долго жить. Теперь левая босоножка болталась на ноге, держась за лодыжку. Это было уже слишком!

Внутри клокотали ярость и обида. Ну, вот кому я что плохого сделала?! Жила себе, никого не трогала – и на тебе! Дернул же меня черт подойти к той сумасшедшей! А вдруг это была ведьма? Не сама же я сюда попала... Кто-то явно поспособствовал. Но представить,

что по нашему городку посреди дня бродит настоящая ведьма, да еще в таком неприглядном виде... просто в голове не укладывается!

Закусив губу от досады, я сняла испорченную обувь и, не глядя, через плечо кинула в темноту. А потом осторожно двинулась дальше.

Шла я очень медленно, маленькими шажками, вытянув вперед руки. Очки мои остались в сумке, а без них я в сумерках почти ничего не видела. Что поделать, "минус три" вносит свои коррективы. Это днем я прекрасно себя чувствую, и в знакомой обстановке. А ночью, да еще в чужом лесу... боюсь, тут и очки не помогут. В общем, попала так попала.

Где-то через полчаса бесцельных блужданий я наконец не выдержала и обреченно опустилась в мокрую от росы траву. В голове мелькнула умная мысль дождаться рассвета. Все тело колотила крупная дрожь, руки и ноги заledenели, зубы весело отбивали кастаньету. В довершении ко всему в горле пересохло и страшно хотелось пить.

Неожиданно, в полной тишине, где-то метрах в ста от меня, взлетела и заполошно застрекотала сорока, оглашая лес своим криком. Я вскочила, настороженно вглядываясь в темноту. Сороки ночью спят! Это я знаю точно! Что-то (или кто-то) спугнуло ее, и это что-то движется сейчас в мою сторону, утробно рыча и ломая подлесок, будто медведь-шатун!

Бежать!!! Бежать... Куда бежать?!

Я заметалась меж трех дубов (Или это были вязы? Да кто их в потемках разберет!) не зная, куда бежать. Кинулась в одну сторону, спотыкаясь и падая, в другую, потом замерла в ужасе на одном месте. В ночи раздался громогласный рев, от которого у меня затряслись колени, и я прямо попой почувствовала, как неизвестное животное прибавило скорость, рассчитывая поскорее поужинать мною.

Первой мыслью было рвануть в сторону, противоположную приближению зверя. Но потом я вспомнила, что от медведей не стоит бегать. В какой-то книжке я читала, что к этим хищникам нельзя поворачиваться спиной, это провоцирует их на нападение. А вот мертвечину они не едят! Это шанс!

В темноте я практически на четвереньках влезла в густой кустарник, росший вокруг толстых стволов. Закопалась в ворох прелой листвы, стараясь поменьше шуметь, и прикинулась трупом: глаза закатила, дыхание выровняла и приготовилась вообще не дышать, если этот медведь меня найдет и захочет обнюхать. Было очень мокро, холодно и страшно, но уж лучше так, чем оказаться разорванной диким зверем.

Когда неизвестное существо раздвинуло ветки над моей головой, я от страха вообще дышать перестала. Сердце екнуло и благополучно провалилось в желудок, тело моментально покрылось холодным потом. Зверь был на расстоянии вытянутой руки, но уже не рычал. Наоборот, я услышала недовольное ворчание, и горячее, зловонное дыхание опалило мое лицо.

Я не удержалась и сморщила нос, сдерживая подступившую к горлу тошноту. Фу-у-у-у! Какой тухлятины он наелся?!

Несколько секунд меня обнюхивали, причем так тщательно, что я уже практически попрощалась с жизнью. Медведь (или кто он там) поворчал, посопел, а потом я вдруг почувствовала, как что-то шершавое и мокрое прошло по моей щеке. Это было уже слишком!

Я распахнула глаза и заорала во все горло, срываясь на ультразвук.

Прямо надо мной нависала громадная косматая морда с оскаленной пастью, с оголенных клыков которой падали клочья пены, а из-под косматых бровей светились два ярко-красных глаза. В один момент я поняла, что это никакой не медведь. Это монстр! Чудовище! Исчадие ада!

Мой визг на секунду дезориентировал его, заставив недовольно взрыгнуть, а в следующий миг оно с утробным рычанием начало сосредоточенно выковыривать меня из ненадежного схрона.

В темноте я не могла разобрать, что это за зверь, поняла лишь одно: оно было громадным, страшным и явно плотоядным! А еще вонючим и неухоженным, и, по всей видимости, далеко не ручным!

Перспектива оказаться у него в желудке придавала мне сил. Наверное, лучше всего для меня было бы в сейчас брякнуться в обморок, но такого счастья мой организм мне не предоставил.

Продолжая визжать, как противоугонная сигнализация, я рефлексивно вскинула руки и уперлась в широкую грудь чудовища. Оно взревело, разевая громадную пасть, откинуло назад голову, будто волк, воющий на луну, а потом вдруг кинулось на меня!

Вот в тот момент я действительно чуть не описалась! Вся жизнь пролетела перед глазами! Все несбывшиеся мечты. Но чудовище всего лишь схватило меня в свои лапы и по-хозяйски перекинуло через мощное плечо попой кверху. Затем, довольно урча, монстр похлопал меня по пятой точке громадной лапой с длинными когтями, встал на ноги и спокойно зашагал в обратную сторону.

Вися вниз головой и болтаясь, как тряпка, я с изумлением поняла: это чудовище передвигалось на двух ногах! Вот какие еще нужны доказательства? Я в другом мире!

От удара животом о его плечо у меня вышибло весь воздух из легких, и я просто захлебнулась криком. Закашлялась, пытаюсь отдышаться, заколотила кулачками в мощную спину, покрытую густой шерстью, но меня еще раз хорошенько встряхнули, с недовольным ворчанием, и весьма ощутимо шлепнули по попе.

Я сразу притихла, не желая дразнить зверя. Если он не съел меня сразу, есть шанс, что не съест и потом. И вообще, вдруг он ручной?

Я с сомнением потыкала его в свалявшуюся шерсть. Нашел несчастную попаданку и несет своему хозяину, как верный пес. А хозяин – какой-нибудь местный аристократ, желательнo принц или король, любящий ночную охоту. И, конечно же, красивый и благородный. В книжках же все именно так!

От зверя жутко воняло псиной. Свалявшаяся шерсть торчала клоками, в ней застряли жухлые листья и щепки, и наверняка (я была в этом просто уверена!) обитали блохи. Вися вниз головой на твердом плече, я имела честь лицезреть подтянутый мохнатый зад монстра, но в потемках не могла разобрать цвет его шерсти.

Придерживая меня за колени, чудовище двигалось большими скачками, покрывая за один прыжок несколько метров. Я устала болтаться из стороны в сторону, а потому, недолго думая, уперлась локтями в спину монстра и подставила под подбородок ладони. Зверь не обратил на это никакого внимания. Немного осмелев, я расслабилась, отдавая себя в руки судьбы. Нет, я, конечно, могла еще подрыгать ногами и повизжать, но вряд ли это чудовище было бы столь любезно, чтобы отпустить меня. Лучше дождаться конца нашего забега, и уже тогда ориентироваться по обстановке. В конце концов, никогда не поздно стать главным блюдом в меню иномирного монстра!

Бег с препятствиями продолжался где-то с полчаса. Зверь несея с такой скоростью, что у меня захватывало дух, а сердце периодически то прыгало в горло, то падало на дно желудка, причем вместе с залежавшимися там остатками обеда. Монстр, не разбирая дороги, ломился напрямик через густой подлесок, перепрыгивая рвы и буераки, точно олимпиец на забеге с препятствиями! Оставалось только позавидовать такой ловкости и прыти.

Наконец зверь выскочил на открытое пространство и остановился, шумно втягивая воздух. Я рискнула открыть глаза и немного осмотреться. Надо же, я и не заметила, когда зажмурилась. А посмотреть было на что!

Мы стояли посреди залитой красным светом поляны. Половину горизонта закрывала кровавая луна, а на ее фоне темной громадой высился силуэт средневекового замка, стоявшего

на холме. Каменные стены, окруженные глубоким рвом, острые зубцы вздымающихся вверх башен, на тонких шпилях – темные флаги. И ни одного огонька.

Я невольно сглотнула.

Коротко рыкнув, монстр перебросил меня на другое плечо, будто мешок с картошкой, и направился в сторону замка.

На открытом пространстве огромная луна давала достаточно света, и я увидела, как лесная тропинка под ногами чудовища превратилась в широкую дорогу, выложенную булыжником. Затем булыжник сменился толстым деревянным настилом, а по обе стороны от него зияли черные провалы рва. Я поняла, что мы ступили на мост. Еще несколько шагов – и вот мы уже проходим поднятую решетку, чьи острые пики замерли в трех метрах над землей.

Едва монстр переступил этот символический порог замка, как раздался металлический скрежет и громыхание цепей. Подняв голову, я с открытым ртом наблюдала, как сразу за нами упала решетка и начал подниматься огромный мост, только что лежавший через ров. Это была ловушка!

Я застонала от бессилия. Как известно из истории, уйти из замка с поднятым мостом можно только устроив подкоп или имея крылья. Ни землероек, ни птиц в моем роду не наблюдалось, лопату я за всю жизнь ни разу в руки не брала, а на высоте больше двух метров у меня вообще голова кружится!

Между тем, странности продолжались. Стоило нам оказаться за воротами замка, как из разных углов в нашу сторону хлынул поток зверья. Кого здесь только не было! Лисы, волки, рыси бросились к ногам монстра, будто приветствуя его, стаи воробьев и голубей сорвались с крыш, затмевая небо. Это был не замок, а настоящий звериный ковчег! И все эти животные, увидев (или унюхав) меня, вдруг замерли на секунду, а потом разразились громкими криками. Вой и тьяканье смешались с птичьим щебетом, и вся эта лесная братия заскакала вокруг меня, скаля зубы и недвусмысленно облизываясь!

Я уже и сама готова была завывать, но монстр продолжал шагать по замковому двору. Он лишь коротко рыкнул, отгоняя особо назойливых, а затем вошел под высокие своды одной из башен.

В замке было темно, хоть глаз выколи! Но мой похититель передвигался на удивление свободно. Либо видел в темноте, либо уже привык обходиться без света. Впрочем, это не мешало ему довольно ворчать и время от времени похлопывать меня по попе. От этих небрежных прикосновений у меня каждый раз душа в пятки уходила. Думалось, а вдруг он мою филейную часть на мягкость проверяет? Занесет сейчас на замковую кухню, и навертят там котлет из одного несчастного тела...

А тут еще и звери эти! Птицы остались снаружи, но с десятков лис и парочка рысей продолжали идти вслед за нами. В темноте я видела, как плотоядно светятся их глаза, буквально не отрываясь от меня! Одно успокаивало: после того, как монстр рыкнул на них, они не смели подходить ближе, чем на несколько шагов. Подозреваю, если бы он их не отогнал, то за время пути по темным коридорам я могла бы стать основательно обглоданной.

Наконец скрипнула какая-то дверь, и меня довольно осторожно скинули на что-то мягкое. Судя по ощущениям – кровать, хотя могу и ошибаться. Но было мягко и какое-то подобие покрывала присутствовало. В помещении находились только мы с монстром, остальная братия осталась за дверями.

Едва меня спустили с плеча, как я тут же сгруппировалась, зажимаясь в комок, и сделала это очень вовремя. Зверь нагнулся надо мной, шумно фыркая, и начал обнюхивать с такой тщательностью, что у меня внутри все похолодело. Его холодный мокрый нос ткнулся мне за ухо, со свистом втягивая в себя исходящий от моей кожи запах, а потом двинулся вниз по шее, оставляя неприятную влажную дорожку. Одной лапой зверь придерживал меня за плечо, а другой нажал на поднятые к подбородку колени. Делал он это неожиданно деликатно, но

сила его была такова, что я не смогла сопротивляться и развернулась, подставляя беззащитный живот. Его нос скользнул по ключице и уткнулся в ложбинку между грудей. Чудовище удовлетворенно заворчало, а я едва сдержалась, чтобы не передернуться от омерзения. Фу-у-у-у!

Но это было только начало! Удерживая меня своими мохнатыми ручищами, это озабоченное чудовище начало обнюхивать меня с такой тщательностью, что я невольно вспомнила всех известных богов. Каждый сантиметр моей кожи, каждая впадинка и выпуклость моего тела были им досконально обследованы. Особенно поразило, когда он всунул нос мне под юбку, ткнулся между ног и тихонько заскулил. Мне показалось, или я его интересую не только как возможный обед?! Хорошо, что он хоть одежду снять с меня не пытался!

Наконец, завершив "осмотр", он прошелся своим шершавым языком от моей ключицы через шею и щеку до самых волос. Раз... другой... затем, шумно дыша, улегся рядом, подгреб меня себе под бок, обхватил своими лапами, как ребенок любимую игрушку, и довольно засопел мне в макушку.

Через несколько минут его дыхание выровнялось, а я с удивлением заметила, что в одной из стен комнаты есть узкое окно, больше похожее на бойницу, и сейчас ночное небо за ним начинает понемногу розоветь.

Усталость взяла свое, меня постепенно клонило в сон, и даже близость храпящего монстра не могла заставить меня держать глаза открытыми. Я держалась, сколько могла, а потом начала клевать носом. В то время как за окном разгорался рассвет, я перестала бороться с собой и погрузилась в тревожный и нервный сон.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Пробуждение было не очень.

Прямо над моим ухом прозвучал возмущенный мужской голос.

– Эй! – кто-то с обидной грубостью затряс меня за плечо так, что моя несчастная голова замоталась в разные стороны.

Все еще находясь во власти сна, я открыла глаза и недоуменно уставилась в нависающее надо мной лицо. Гладко выбритое, с насупленными бровями и недовольно горящим взглядом.

– Откуда ты здесь взялась, ведьма?! – мужчина впился в меня таким взглядом, что мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

– Я... мне... – заблела я, пытаюсь сообразить, а и вправду, откуда я здесь взялась? И здесь – это где?

Приподнявшись на локте, я обвела помещение недоуменным взглядом. Каменные стены, толстые гобелены со сценами охоты и лесными пейзажами, узкое окно-бойница с цветным витражом, изображающим нападение коршуна на лебедя, пушистая шкура неизвестного происхождения на полу у нерастопленного камина, вычурная мебель, поражающая обилием украшений, и несколько увесистых канделябров, стоявших на широком подоконнике. И везде обилие бахромы, завитушек и позолоты. Слово я каким-то образом перенеслась в спальню графа де Пейрака из известного фильма.

Эмм, и как я сюда попала?!

Воспоминания нахлынули ледяной волной, вырывая из приятной дремы. Распахнув глаза, я испуганно дернулась в кровати, но тут же была придавлена жесткой рукой.

Мужская ладонь легла прямо на мой обнаженный живот. Незнакомец нахмурился, глядя на свою руку, легонько пошевелил пальцами, будто поглаживая нежную кожу, и вдруг отпрянул, как от огня.

– Я еще раз спрашиваю, – повторил он странно севшим голосом. – Откуда ты здесь взялась, ведьма? Я же предупредил тебя в прошлый раз, чтобы ты здесь больше не появлялась!

Икнув от неожиданности, я скосила глаза на своего обидчика и только сейчас поняла, что его одежда больше напоминает маскарадный костюм: черные кожаные бриджи плотно обтягивают мускулистые ноги и многозначительную выпуклость в паху, белоснежная рубашка с широкими рукавами, перехваченными лентами на крепких запястьях, распахнута на гладкой груди, а довершает ансамбль широкий кушак ярко-алого цвета, завязанный на талии кокетливым узлом. Мужчина был растрепан и бос, видимо, как проснулся с утра, так на меня и накинулся, даже не обулся!

На меня напало такое косноязычие, что я сама себе удивилась! Блея, точно глупая овца, заикаясь и сбиваясь под его пристальным взглядом, я попыталась связно передать историю ночного забега. Но вот объяснить, как я оказалась в этом лесу, у меня так и не вышло. Просто потому, что я сама этого не понимала.

– Так ты утверждаешь, что это какое-то огромное злобное существо поймало тебя в лесу возле замка и притащило сюда? – незнакомец приподнял одну бровь. – Тогда почему же оно не разорвало тебя и не сожрало, а оставило в моей спальне, да еще в моей постели? Странное какое-то чудовище, ты не находишь? И где же оно сейчас?

Я растерянно пожала плечами.

– Кто знает... может, оно ночное, и забилося в свою берлогу? Там еще и сумка моя валяется. Если найдете, я смогу доказать, что оказалась здесь случайно...

Мужчина резко подался в мою сторону, нависая надо мной всем корпусом. Его руки уперлись в подушку по обе стороны от моей головы, заставляя меня сжаться, и он язвительно процедил:

– Что-то не сходится, ведьма! В этом лесу нет ни одного животного крупнее волка, а уж они точно не ходят на двух ногах! Ты никак не хочешь оставить меня в покое? Сколько раз я изгонял тебя из своих владений, но каждый раз ты возвращаешься в новой личине! Что ты придумала на этот раз? Думаешь соблазнить меня своим телом, которое ты так бесстыдно выставила напоказ? Или своим смазливym личиком? Не стоит, я выучил все твои уловки.

Мужчина встал, продолжая испепелять меня взглядом, от которого по моему телу пробежала волна дрожи, заставив приподняться волоски на коже и напрячься соски. Он уперся взглядом в мою грудь, и я тоже невольно скосила глаза, с опозданием понимая, как лоханулась. Под эластичной тканью топа у меня не было никакого белья: летом и так жарко – зачем натягивать на себя лишние вещи? – тем более что моя грудь достаточно упруга и до сего момента не нуждалась в дополнительных средствах. А сейчас тонкая синтетика ядовито-розового цвета не скрывала, какое действие оказывает на меня жгучий взгляд этого наглеца.

Тихо охнув, я прикрылась руками и густо покраснела. Мужчина скривил рот в циничной усмешке.

– Думаешь подкупить меня своей напускной скромностью и стыдливым румянцем? В прошлый раз ты была более раскована, но и тогда у тебя ничего не вышло. Никак тактику сменить решила? Новый образ, минимум одежды, и такая святая невинность... не выйдет. В прошлый раз я тебя предупредил. Ты оставила мои слова без внимания. Что ж, тебе же хуже!

С этими словами он жёстко ухватил меня за руку и, не церемонясь, стащил на пол.

– Жако! – прогремел он так, что я едва не оглохла.

Один из гобеленов шевельнулся, и на сцене этого дурдома образовалось новое действующее лицо. Мужчина скромной наружности и средних лет, облаченный в ливрею бледно-зеленого цвета и напудренный парик.

– Слушаю вас, господин герцог, – он низко склонил голову, не забыв скользнуть по мне задумчивым взглядом.

Я невольно напряглась. Кто это тут у нас герцог? Этот? С голой грудью? Так он, вроде, по канону, должен быть в меня влюблен! Что-то мне происходящее нравится все меньше и меньше...

– Приказываю отправить эту ведьму в темницу и хорошенько заковать! – произнес герцог таким убийственным тоном, что я чуть не свалилась в обморок. Это он что, серьезно?! – И скажи моему палачу, что после завтрака ему предстоит работа.

– Один момент, мой сеньор!

Ливрейный хлыщ Жако исчез за гобеленом, видимо, побежал звать подручных, а я в ужасе уставилась на хозяина замка.

– К-какой п-палач? – заикаясь, проблеяла я.

– Я тебя предупреждал, ведьма, – мрачно процедил мужчина, сжимая мое запястье с такой силой, что я испугалась за его целостность. – Ты так стремишься окрутить меня, что забыла о собственной безопасности. Теперь можешь начинать молиться своим черным богам!

Через минуту в комнате стало тесно от желающих собственноручно проводить меня к палачу. Это вернулся уже известный Жако, а с ним два мужика амбалоподобной наружности в тяжелых доспехах и с внушительными мечами на поясе. Я глянула на эти мечи, в голове резко прояснилось, и на меня накатил такой ужас, что я, сама не замечая, начала тихонько подвывать.

– Я ни в чем не виновата! – попыталась я воззвать к голосу разума и надавить на герцогскую совесть. – Вы не имеете права так поступать со мной! Дайте мне возможность все объяснить!

Два амбала подхватили меня под белые руки, ловко застегнули на запястьях и лодыжках ржавые кандалы не меньше пяти килограмм весом, и дружно потащили вон из комнаты, ничуть не заботясь о сохранности моих конечностей.

В дверном проеме, прикрытом гобеленом, я умудрилась зацепиться руками за косяк и заорала благим матом. Герцог брезгливо сморщился, а амбалы с видимым удовольствием оторвали меня от двери, выкручивая мне пальцы.

Вот так меня и волокли через весь замок, такой пустынный ночью, а теперь буквально кипевший жизнью: растрепанную, орущую, со слезами, текущими в три ручья вместе со вчерашним макияжем. В какой-то момент я уперлась ногами, не желая идти, но меня грубо дернули за руки, и я упала, больно ударившись копчиком. Юбка задралась чуть ли не на пояс, открывая красненькие стринги, и мои оголенные ягодички проехали по каменным плитам пола, сдирая кожу.

– Смотрите! Смотрите! – злорадно тыкали в меня пальцами попадавшие на пути люди в средневековых одеждах. – Ведьма плачет черными слезами! Настал твой конец, дочь дьявола! Убьем тебя – и заклятье падет!

– Идиоты! – заорала я во всю мощь своих легких. – Кретины! Это тушь!!!

Меня подтащили к большой двери, окованной железом и закрытой на гигантский засов. Один из этих, в доспехах, снял со стены и зажег факел, другой открыл замок ржавым ключом и толкнул дверь. Мне в лицо пахнуло плесенью и сыростью, я едва сдержала тошноту. За дверью вырисовывались каменные ступени, поросшие мхом, а дальше все тонуло в абсолютной темноте. Вот по этой лестнице меня и стащили вниз, причем я упиралась на каждой ступеньке, а потому пересчитала их все своей многострадальной попой.

Мы спустились в бесконечный коридор, теряющийся во мраке. Здесь было холодно до дрожи и слышался звук капающей воды. По обе стороны тянулись ржавые решетки, за которыми, как я подозревала, находились камеры для узников. В одну из них зашвырнули меня.

Поняв, что слезы не помогут, я грубо выругалась, поразив средневековых мужиков колоритом и эмоциональностью родного языка.

– Гляди-ка, – рассмеялся один из них, – она еще и заклятья свои бесовские бормочет! Недолго тебе здравствовать осталось. Скоро ты заплатишь за все, дьявольское отродье!

Они быстро и ловко подтянули меня к стене, противоположной решётке, задрали вверх мои руки и замкнули на наручниках толстую цепь, крепившуюся меж грубо отесанных плит на такой высоте, что я могла сесть на колени с вытянутыми руками, но лечь уже не получалось.

– Жди, скоро тобой займутся! – сказали амбалы, брезгливо сплюнув в мою сторону, и спокойно вышли, не забыв закрыть решетку на большой навесной замок.

Я исподлобья проследила за чадающим факелом, который эти гады унесли с собой. Оставшись в темноте, передернулась всем телом от сырости и холода и подергала за цепь.

Ну да, а чего я ожидала? Влюбленных принцев? Благородных эльфов? Наивная дуручка, так только в сказках бывает. И почти всегда с легкой руки какой-нибудь доброй феи. А у меня вместо феи злобная старуха, отправившая меня своим костылем в сущий ад! Сижу теперь здесь, как собака на цепи, и жду, когда по мою душу палач явится. Вот он хоть позавтракает, сволочь, а у меня со вчерашнего обеда капли воды во рту не было!

Когда глаза привыкли к темноте, я обнаружила, что она не такая уж непроницаемая. Прямо над моей головой зияло крошечное окошко, пропускавшее несколько слабых лучей. А еще по стенам стекали капли воды, но я не могла вывернуть шею настолько, чтобы слизать их, и не могла опереться спиной об эту холодную, мокрую, склизкую стену!

В животе уныло заурчало. Чувствует, мой хороший, что сегодня его вряд ли покормят...

Не помню, чем занимался узник замка Иф, впервые оказавшись в своей камере, а вот я начала петь "Интернационал" для поднятия боевого духа. Только не подумайте, что я настолько старая, что помню подобное. Просто был у меня парень, помешанный на старых советских фильмах. Ему было все равно, что смотреть: про революцию, про Великую Отечественную, лишь бы стреляли и бежали в атаку с криком "ура!". А у меня музыкальное образование, и память на редкость цепкая. Как услышу новый мотив, так и мучаюсь, не могу от него избавиться, а забывшись, еще и напевать начинаю. Пока мы с этим кадром полгода встречались, я не только "Интернационал", я все революционные гимны выучила, а песня из кинофильма "Семнадцать мгновений весны" отскакивала от зубов, как гимн родной державы!

И вот теперь, оказавшись один на один со своими страхами и неизвестностью, я начала перепевать все старые песни, лишь бы не скатиться в банальную истерику.

Почему пела именно это? Ну, как-то глупо звучала бы под сводами темницы песня про любовь. А вот что-то типа "Это есть наш последний и решительный бой!" как раз в тему. Тем более что это неплохо отвлекало от урчания в животе, жажды и холода. Поначалу. А потом, когда пересохшее горло уже не было способно ни на что, кроме шепота, я на одном упрямстве продолжала свой концерт едва слышно.

Когда я по третьему кругу завела "А значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим", в коридоре что-то скрипнуло, с грохотом отворились двери, и через несколько минут предо мною предстал сеньор герцог собственной персоной.

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль

Он стоял напротив железной решетки, за которой кривилась от боли проклятая ведьма, но почему-то не ощущал ни малейшего удовлетворения от этого зрелища. В этот раз Конкордина вновь сменила обличье и, надо признать, сумела вызвать секундный отклик в очерствевшем мужском сердце.

Язон вспомнил свое пробуждение сегодня утром, и пальцы обеих рук рефлекторно сжались в кулаки.

Эту ночь, как и множество предыдущих, он провел без сновидений, и был уверен, что остальные обитатели замка тоже никогда не видят снов. А вот утро, впервые за все время с момента проклятия, встретило его сюрпризом.

Это было как наваждение. Когда-то очень давно (так давно, что он и сам забыл, когда это было) он посмел отвергнуть одну из самых знаменитых куртизанок своего времени. Сказал во всеуслышание, что на такой, как она, можно жениться лишь по большой любви или по большой глупости, а он, мол, не считает себя ни влюбленным, ни глупцом. И свидетелями этого разговора оказалась большая часть придворных, ибо дело было на королевском балу, приуроченном к очередному юбилею.

Кто ж знал, что колдовство существует на самом деле, а проклятие оскорбленной женщины может иметь такую силу?!

При дворе Людовика давно ходили слухи про ведьм и тайные черные мессы, но Язон искренне считал, что все это не более чем бабские сказки, призванные пугать младенцев. Что ж, теперь он на собственной шкуре узнал, что значит быть проклятым ведьмой. Чертова колдунья прокляла его вместе с замком и тремя близлежащими деревнями, заявив напоследок, что однажды он признается ей в любви и будет умолять стать его женой, а до той поры быть ему и его людям раздвоенными: делить одну душу на два тела, не жить и не умирать в вечном ожидании на границе миров.

Что это значит, герцог так и не понял, но с тех пор его замок будто перенесся в какой-то другой мир, где на многие мили не существовало ничего, кроме этого леса, реки и замка. И все люди, перенесенные вместе с ним, перестали стареть. Дети оставались детьми, старики –

стариками. Никто не рождался и не умирал. Но самое странное заключалось в том, что каждый раз, начиная с захода солнца и до самого рассвета, ни один из них не мог вспомнить, что же он делал ночью. И что бы ни происходило в замке днем или ночью, на рассвете все чудесным образом возвращалось на свои места, и замок выглядел точно так же, как и в первое утро после проклятья. Все обитатели просыпались на своих местах, в одной и той же одежде, все вещи оказывались нетронутыми, даже те, что накануне пытались сжечь или сломать, а вчерашние объедки вновь превращались в продукты, которые еще только предстояло использовать.

Сначала люди пытались уйти из заколдованного замка, но где бы их ни застала ночь, просыпались они всегда в своих постелях. Это было и странно, и страшно, но Язон не привык сдаваться.

Правда, у каждого проклятия всегда бывает тайное условие, выполнив которое, можно все вернуть на круги своя. Вот и у этого оно было. Но звучало слишком уж невыполнимо.

Ведьма пообещала, что если на пути Язона встретится женщина, которая полюбит его таким, как он есть, и любовь эта будет взаимна, то проклятие падет. Но тут же добавила, что будет тщательно следить за тем, чтобы этого не произошло. Да и в кого Язон мог влюбиться в заколдованном замке? В горничную? В кухарку? За все время пребывания здесь он ни разу не испытал даже физического влечения, и уже начинал думать, что этот аспект жизни больше ему неподвластен.

Раз в год Конкордия навещала его, преодолевая грань между мирами, и предлагала себя, но каждый раз слышала из его уст лишь насмешку. Он не собирался уступать ей: ни брать в свою постель, ни делать своей женой. Ведьма меняла обличия, меняла характер и манеры, но каждый раз он испытывал лишь холод и раздражение от ее близости.

В конце концов, ему надоели ее посягательства. В последний визит он буквально вытолкнул ее за стены замка, предупредив, что если она появится еще раз, то познакомится с его палачом.

И она явилась вновь! Правда, на этот раз ее новая личина была выше всяких похвал. Язон едва сдержался, когда, проснувшись сегодня утром, ощутил практически под собой это мягкое податливое тело. А как она скромно покраснела?! Можно подумать, ее и в самом деле мучил стыд!

Никогда в жизни герцог д'Арвентиль не поднимал руку на женщину, даже такую, как Конкордина, но сегодня все изменилось. Впервые за все это время он ощутил приступ настолько острого желания, что едва удержался от ошибки. Видимо, это отродье сатаны нашла новый способ надавить на его слабости, и в следующий раз вождение может оказаться сильнее голоса разума. Тогда ведьма сможет праздновать свою победу, а этого нельзя допустить, ведь на кону не только его будущее, но и жизни ни в чем не повинных людей! Он должен уничтожить это исчадие ада, но сначала... сначала он будет мучить ее до тех пор, пока она не начнет молить его о пощаде. И пусть это не снимет проклятия, зато отведет ведьму на ближайшую сотню лет.

Явился мэтр Амбруаз – герцогский палач, со своим подручным Шико. Громадного роста, с мощной грудью и руками, похожими на столбы, он уже сам по себе вызывал страх, а его алая маска-капюшон, закрывавшая лицо, не позволяла усомниться в его профессии.

Язон молча наблюдал, как они вошли в камеру, установили небольшой столик и с пугающим спокойствием начали раскладывать на нем пыточные инструменты. Кудрявый блондин Шико растопил переносную жаровню и выложил на угли несколько щипцов разного размера.

Ведьма, затаив дыхание, следила за их манипуляциями. Язону на секунду показалось, что в ее глазах мелькнул животный ужас, но он тут же откинул эту возможность. Наверняка она притворяется. По прежним визитам Конкордины он знал, что эта бестия в любой момент может улизнуть и не ждать, пока ею займется палач. Она умела просачиваться сквозь пространство, создавать вокруг себя черный вихрь, который переносил ее с одного места на другое. Так почему же она сейчас медлит?

Он шагнул ближе, недовольно хмуря брови. Что она задумала на этот раз? Состроила невинное личико и думает, что ей поверят? А в глазах столько страха, будто она и вправду невинное дитя, которое пытаться собираются!

Пока палач подготавливал свои инструменты, Язон успел хорошенько рассмотреть новую личину ведьмы. Худенькая, с маленькой грудью и узкими бедрами. Почему она выбрала именно это тело? Герцога никогда не привлекали худышки, в его времена котиrowались дородные дамы с приятной пышностью форм. Из одежды – две крошечные тряпки вульгарной расцветки. Даже распутные девки – и то скромнее одеваются. А что с ее волосами?! Мало того, что острижены коротко, как у пажа, так еще и такого яркого цвета, будто это не волосы, а самый настоящий пожар! Нет в ней ничего привлекательного... но почему же тогда так ноет в паху, когда он на нее смотрит? Не может быть, чтоб он ее хотел!

– Ваша Светлость, что прикажете? – мэтр Амбруаз сложил мощные руки на широкой груди и выжидающе глянул в прорези своей алой маски.

Язон колебался. Ведьма вела себя совсем не так, как он ожидал. Она не кричала, не плевалась и не сыпала проклятиями. Она сидела, подтянув ноги к подбородку, и тихонько хихикала. Сошла с ума? Да быть того не может! Наверняка это новая уловка.

– Разговори ее для начала, – махнул он рукой, – только сильно не калечь.

Катерина

Вот теперь самое время спросить: любите ли вы сказки?

Особенно – страшные.

Особенно – с собой любимой в главной роли.

Я – нет!

Но сказка-то вот она, со всех сторон окружает. И прекрасный принц имеется, все как положено. Смотрит на меня, как на врага народа, с той стороны решетки, бровки хмурит, ручки в кулаки сжимает и что-то там себе думает. Так бы и вцепилась своим французским маникюром в его мерзопакостную физиономию!

Я уперлась в него взглядом и пропустила тот момент, когда рядом с герцогом нарисовались еще два кадра. Один – тощий блондинчик с кудрявой шапкой волос и в заштатной одежке, а другой настолько колоритный, что я даже рот раскрыла от удивления.

Когда я увидела этого амбала в красном колпаке, то не выдержала и глупо захихикала. Слишком уж он напоминал средневекового палача. А потом меня будто толкнуло: это же и есть палач!

Обшаривая меня изучающим взглядом, он продолжал что-то жевать, шлепая блестящими от жира губами, и от него так умопомрачительно тянуло копченостями и чесночком! Мой животик радостно взвыл, уловив божественный аромат, руки затряслись, звеня цепями, точно Кентервильское привидение, а рот наполнился тягучей слюной.

Это что же получается, люди добрые! Герцог заботится о своем персонале? Палач сначала позавтракал, а потом уже и на работу – меня пытать? А я как же? Дайте и мне поесть! Может, тогда и пытки ваши покажутся не такими страшными...

Я застыла, глядя расширившимися глазами на кошмарного вида орудия, которые кудрявый блондинчик любовно протирал ветошью, перед тем как разложить в одному ему известном порядке.

Мамочка моя, да меня же сейчас взаправду пытать будут! И что делать? Кричать, как я поняла, бесполезно, умолять тоже. Эти психи средневековые на другую волну настроены.

У них пытки в порядке вещей, вместо десерта на завтрак подаются, а милосердие выглядит весьма специфично для человека XXI столетия.

Поэтому я и молчала, пока эти два герцогских приспешника раскладывали свой инвентарь.

– Ваша Светлость, – произнес палач трубным голосом, – что прикажете?

Его Светлость облил меня холодным взглядом и, уже добивая, ответил:

– Разговори ее для начала, только сильно не калечь.

И вот это "не калечь" билось в моей голове набатом, пока я следила, как этот гад разворачивается и уходит, оставляя меня в обществе двух ухмыляющихся маньяков!

Палач достал из кармана бублик и с хрустом раскусил. Я громко сглотнула и проводила ароматную сушку голодным взглядом. Сволочь, еще пытать не начал, а уже издевается!

Он вытер о штаны мясистые ладони и вздернул меня на ноги. Моя макушка оказалась на уровне его груди. Палач окинул меня критическим взглядом и хмыкнул.

– Его Светлость требует невыполнимого, – проворчал он с досадой, – как ее пытать? Она же и так на ладан дышит. Глянь, как трясется! Ну, прям как заячий хвост! – и он гулко захохотал.

А мне было уже настолько плохо, что я едва осознавала, что происходит вокруг. От голода и жажды у меня болел желудок и саднило горло, кружилась голова, подгибались ноги. Во всем теле не было ни одной косточки, ни одной мышцы, которая бы не зывала о пощаде.

Когда к моему лицу приблизилось что-то пышущее жаром, я едва смогла приоткрыть глаза. Глянула равнодушно на раскаленные щипцы, которые держал палач, и потеряла сознание.

Что было дальше – помню плохо. В основном меня поливали холодной водой. Видимо, надеялись таким образом привести в чувство. Но мое сознание упорно не желало возвращаться. Я будто впала в какое-то оцепенение: все слышу и понимаю, но как-то отстраненно, а сама даже глаза открыть не могу.

Услышала, как вернулся герцог, как о чем-то переговаривался с палачом. Потом меня подняли и, судя по ощущениям, перекинули через плечо. Кажется, я уже начинаю привыкать к такой транспортировке. Куда-то долго несли. Я слышала голоса людей, чувствовала, когда темнота подземелий сменилась на солнечный свет. Тот, кто нес меня, бросил мое тело через лошадиный круп и крепко привязал.

– Я отпускаю тебя в последний раз, ведьма, – раздался у меня над ухом охрипший голос герцога. – Помни мою доброту. И больше не испытывай ее.

Последнее, что я помню – это как меня вывозят за стены замка.

Я пришла в себя только когда почувствовала, как меня стаскивают с лошади и кидают на землю. Под моей спиной спружинил слой прелой листвы, смягчив удар. Открыв глаза, я поняла, что снова оказалась в лесу. Мокрая, голодная и, похоже, с поднимающейся температурой. Тихо всхлипнув, я еще попыталась встать, но ноги подломились, не желая держать хозяйку, и я окончательно потеряла сознание...

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль

Он стоял на самой высокой башне своего замка и мрачно наблюдал за тем, как по дороге к лесу спускается одинокий всадник на пегой лошадке. Позади седла болталось безвольным мешком тело ведьмы. Тонкие руки с изящными пальцами, свесившиеся вниз, выглядели так трогательно и незащищенно, что Язону пришлось зажмуриться, чтобы отогнать наваждение. Ему вдруг показалось, что с каждой минутой, с каждым шагом, пройденным этой лошадкой, он теряет что-то важное, что-то такое, без чего его дальнейшая жизнь не имеет смысла.

Небольшая судорога прошла по его телу. Пальцы на правой руке рефлекторно сжались в кулак, вздулись вены, кожа уплотнилась, огрубела, четко обозначились увеличившиеся мышцы.

Герцог изумленно глянул на свою руку. Внутри него, как в клетке, бился дикий зверь. Язон даже представил его: огромный матерый волчара, раз за разом с тоскливым воем бросавшийся на прутья решетки, оставляя на ней свою кровь и клочья шкуры.

Это было как сумасшествие.

Когда лошадь со своим всадником скрылись в подлеске, в голове Язона будто лопнула тонкая струна, затопив весь мозг ослепительной вспышкой боли.

Сжав руками виски, он с тихим стоном опустился на колени.

К нему уже бежали стражники, несшие караул на стенах замка.

– Со мной все в порядке, – процедил герцог, отталкивая предложенные руки и поднимаясь на ноги. – Следите за лесом, я хочу знать, когда появится Шико.

Пошатываясь, он отошел к ближайшей стене и обессиленно сполз по ней, сжав руками пульсирующую от боли голову. Казалось, что в его голове кто-то бьет в гигантский набат.

Минут двадцать спустя один из стражников на стене закричал:

– Ваша Светлость! Шико только выехал из леса, уже приближается к холму.

Этот крик отозвался в голове очередной вспышкой боли. Шатаясь и держась за стены, Язон спустился в конюшню и трясущимися руками оседлал своего коня. Затем с трудом залез в седло. Такое простое и обычное действие потребовало почти все его силы. Конюхи держались поодаль, предпочитая не приближаться к здоровенной иссиня-черной зверюге с очень говорящей кличкой Демон.

Пустив коня галопом, герцог, словно ветер, пронесся по навесному мосту. В голове по-прежнему пульсировала боль, сердце словно разрывалось на части от непонятной тоски, но Язон никак не мог понять, что с ним происходит. Какое-то странное чувство гнало его прочь от замка в сторону леса. И этому чувству невозможно было сопротивляться.

Спускаясь с холма, он столкнулся с возвращавшимся Шико. Помощник палача грыз баранки и весело посвистывал, жмурясь на солнце.

– Ваша Светлость! – увидев хозяина, парень ловко спешил и склонил голову. – Я тут чего нашел...

Он протянул сумку странной формы, похожую на мешок с завязками и лямками для плеч, но более изящную, как игрушка, из белой лаковой кожи. Язон несколько секунд молчал, не в силах оторвать взгляда от этой странной вещи. Затем буквально вырвал сумку из рук слуги и хрипло выдавил из себя:

– Где... она...

Ему казалось невозможным то, что он сам, по своей воле, интересуется судьбой ведьмы.

– А-а-а! – Шико беззаботно ухмыльнулся. – Я завез ее подальше. Она очень плоха. Думаю, на этот раз мы от нее окончательно избавимся. Если сама не околеет, то ночью волки задерут.

Ничего не ответив, Язон изо всех сил прищипорил коня. Демон с возмущенным ржанием взвился на дыбы и рванул с места в карьер.

Больше часа Язон кружил по лесу, не решаясь сделать последний шаг. Откуда-то он четко знал, где сейчас находится ведьма... или не ведьма? Уже не ненависть, а какое-то другое чувство, робкое и осторожное, зарождалось в его душе при воспоминании о затравленном взгляде зеленых глаз и бессильно поникших тонких руках. Жалость? Сожаление?

Язон был в не себя от злости. И злился он на собственную слабость. Всё-таки она его окрутила! Но как? Он уже столько веков отражает ее нападки. Казалось бы, чего проще – поддайся этой женщине, возьми ее в свою постель,пусти в свою жизнь, и все закончится... но

домогательства Конкордины были только верхом айсберга. Ведь он, глупец, поспорил на свою душу.

Он хорошо помнил тот день. Бал. Радостные лица. Наивные дочери и искушенные жены аристократов. И он сам, весь в блеске своей славы, великолепный маршал королевской армии.

Кажется, он много выпил. Дело шло к утру, молодой герцог уже несколько часов провел за игральным столом и уже собирался уходить, когда на его плечо опустилась изящная женская ручка.

– Милорд, – промурлыкало прекрасное создание в призывно декольтированном платье, – не желаете ли сыграть со мной?

Он окинул ее затуманенным алкоголем взглядом. Смазливая. Доступная. В глазах горит недвусмысленное предложение, которое она даже не пытается скрыть.

Герцог хмыкнул. Никогда не любил шлюх. Ему нравилось завоевывать хорошо укрепленные форты, а не те крепости, что сдаются сами. К таким он испытывал лишь безгливость и презрение.

– На что играть будем? – лениво спросил он.

– На предложение руки и сердца, – она быстро облизнула губы, а мужчине показалось, что в глубине ее рта мелькнул раздвоенный змеиный язык.

Язон сморгнул, думая, что слишком много выпил, и расхохотался.

– Милая, – сказал он беспечным тоном, – я не сплю с женщинами общего пользования, и уж тем более на них не женюсь!

Лицо незнакомки мгновенно изменилось, став из кукольно-смазливого маской разъяренной мегеры.

– Зря вы так, Ваша Светлость, – с неожиданной яростью прошипела она. – Как знать, может, вы еще будете умолять меня выйти за вас!

– Детка, на тебе можно жениться лишь от большой любви, ну или от большой глупости.

– Думаете, в меня нельзя влюбиться?

– Только не я. Готов поспорить на собственную душу.

Он хотел подняться, но она вдруг сжала его плечо с несвойственной женщине силой. Ему даже показалось, будто сквозь слой одежды в его плоть вонзаются острые когти.

– Что ж, я принимаю вашу ставку. Но если выиграю я, то заберу и души ваших вассалов, как моральную компенсацию за оскорбление, – она ядовито усмехнулась и продолжила:

– Вы влюбитесь в меня, Язон де Верней, – произнесла она таким тоном, что у него внутри что-то сжалось, – и женитесь. Непременно. А до той поры делить тебе и твоим людям одну душу на два тела. Быть прекрасным в ужасном, и ужасным в прекрасном. Вне времени и пространства, на границе меж двух миров. Пока я не услышу от тебя предложения руки и сердца! – и она разразилась гомерическим хохотом. – Или его не услышит другая. Но уж я прослежу, чтобы этого не случилось!

Покачнувшись, Язон начал медленно оседать, теряя сознание. Перед глазами замелькали цветные точки, в голове помутилось, и он тяжелым мешком упал в темноту.

Очнулся в замке, на своей кровати, хотя бал проходил в королевской резиденции за много лиг от герцогства. Вышел на балкон, оглядывая свои земли, и поперхнулся. Замок тот же, холм тоже. Но вместо вспаханных полей и трех деревень – лишь бесконечный лес, пересечь который не смог за все это время ни пеший, ни всадник.

Воспоминания о том первом дне не потускнели со временем, и сейчас, как и тогда, охватили его с прежней силой.

Наконец, конь каким-то неведомым способом сам понял, в какую сторону нужно идти. Точнее, Язон понимал, что это он сам невольно направляет Демона, но ему все еще хотелось думать, будто это лишь досадная случайность.

Меж кустов пышно разросшейся черники белело беспомощное женское тело. Шико даже не удосужился снять веревки, которыми привязывал ее к лошади.

Спешившись, Язон подошел вплотную к девушке и, сам того от себя не ожидая, опустился перед ней на колени. Осторожно провел рукой по щеке, удивляясь гладкости и нежности ее кожи. У деревенских женщин не могло быть ничего подобного, а аристократки с детства портили кожу свинцовыми белилами, слепо следуя моде. У этой же кожа была, как у младенца. Тонкой, полупрозрачной, чуть подсвеченной на скулах легкой россыпью веснушек.

Язон, забывшись, провел по ним пальцем, будто хотел стереть эти солнечные брызги. Потом, опомнившись, отдернул руку и резко встал.

У девушки был жар, лицо пылало. Почему она не ушла? Не смогла? Или не захотела?

Язон разрывался на две половины. Одна хотела бросить ее здесь и забыть, как плохой сон, а другая буквально кричала: хватай ее и неси в свой замок, в свою спальню, в свою кровать! Потому что это Она! Та самая!

Слабая и продрогшая, она вызвала невольную жалость в его душе и желание помочь. Сжав зубы, он сорвал с нее мокрые тряпки и несколько минут энергично растирал застывшее тело, пытаясь заставить кровь бежать быстрее. Руки действовали машинально, вспоминая навыки, полученные во время зимних кампаний, когда только растирания и горячий грог спасали солдат от обморожений. Но глаза Язона не могли насытиться видом обнаженного женского тела. Он буквально впитывал в себя каждую ее черточку, каждый вздох, каждое движение. Затем поднял на руки и закутал в свой плащ.

Острая боль вновь затопила его мозг, отключая от управления телом. Язон застонал сквозь зубы, чувствуя, как его руки, живя своей жизнью, осторожно подхватывают тело девушки и аккуратно усаживают в седло, прислонив для устойчивости к лошадиной шее.

Девушка была легкая, как ребенок, он почти не почувствовал ее веса. Вскочив в седло, мужчина обнял хрупкое тело одной рукой, не давая ему сползти, чуть прижал, поражаясь тонкости талии, и вдруг зарылся носом в ее волосы. Что-то в нем настойчиво требовало вдохнуть ее запах...

Катерина

Ох, ну почему же все так болит? Голова гудит, как церковный колокол... все в тумане...

Какие-то незнакомые люди трогают меня, не дают спать... заставляют пить какую-то гадость. Лекарство? Я в больнице?

Справившись со слабостью, открыла глаза. Так-с, этот балдахинчик я уже где-то видела. Приподнялась на локте, оглядывая смутно знакомую комнату. Ага, а вот и герцог... Что?! Опять?!!

Герцог сидел в кресле прямо передо мной и смотрел на меня с такой мрачной решительностью в глазах, что мне моментально захотелось испариться. Последнее, что я помню – это как меня собирались прижигать раскаленным железом. Но вроде ожогов нигде не ощущаю, разве что синяки и ссадины по всему телу, да еще голова болит и горло. Ну, точно, простудилась.

Боже! У них же тут средневековье! Все, мне хана. Помру в расцвете лет от банальной простуды. Чем в те времена лечились? Ртутью от сифилиса и тертым изумрудом от кишечных колик? Еще клизмами и кровопусканием – это, кажется, было панацеей от всех болячек. И пиявки! Интересно, а меня уже лечить пытались?

Герцог как-то незаметно подался в мою сторону, пристально изучая мое лицо. Опять попытается?

– Э-э-э-э... сударь, – я немного отодвинулась, – я не сама... не знаю, как здесь снова оказалась...

– Это я тебя принес, – спокойно ответил он.

– То есть как это "принес"? – не поняла я. В мозгу всплыла картинка: герцог шагает по коридорам замка, неся меня перекинутой через плечо, а вся его челядь плюет мне вслед и изрыгает ругательства.

– Как тебя зовут? – он проигнорировал мой вопрос.

Что ж, пусть будет так. Играем по твоим правилам. Пока.

– Екатерина Андревна мы, – я потупила глазки, откровенно издеваясь.

А черт его знает, что на меня нашло! Сидит тут, весь из себя хозяин, довел девушку до простуды, а там и пневмония с менингитом недалеко ходят. А я молодая, жить хочу! И желательно в нормальных условиях, а не этом средневековом ужасе. Где та тетка, из-за которой я тут очутилась? Увидела б ее сейчас – все космы повыдергивала, пусть меня и учили с детства старших уважать.

– Катрин, – он произнес мое имя на свой манер, причем так, будто смаковал его.

Я застыла с раскрытым ртом, глядя, как лицо герцога неудержимо приближается ко мне.

– У тебя жар, – произнес он, горячо выдохнув мне в макушку, – нужно выпить лекарство.

И вот в этот момент я поняла, что со мной что-то не то. Осторожно заглянула под одеяло и вытаращила глаза. Я лежала в герцогской кровати полностью обнаженная!

Испуганно пискнув, я вцепилась в покрывало и попыталась отползти от герцога. Его глаза лихорадочно заблестели, шаря по моему лицу, а руки с такой силой сжали подлокотники, что я явственно услышала треск дерева. В одно мгновение он навис надо мной, а уже в следующее я оказалась на его коленях, вместе с покрывалом, крепко прижатая к его мощному телу.

Нет, все-таки странный этот герцог. Нервный. С утра палачу отдал, даже имени не спросив, а теперь к себе прижимает, по голове гладит и в затылок так шумно дышит. Точно, сумасшедший!

Я попыталась легонько отодвинуться, но мужчина, издав низкий рык, сжал меня еще сильнее, так, что я едва могла дышать.

Звериный рык перешел в едва слышный вымученный стон. Так стонут только от сильной боли.

Руки герцога чуть подрагивали от напряжения, когда он осторожно отстранил меня от себя и с тяжелым вздохом зарылся лицом в мои волосы.

– Катри-и-и-н, – протянул он, овеявая мою макушку горячим дыханием. – Как же беспорочно ты пахнешь...

– А? – я задрала голову и растерянно заглянула ему в лицо. – О чем это вы?

Он молча поднялся и снова уложил меня в постель. Аккуратно подоткнул покрывало, поправил подушку.

– Отдыхайте, мадам, я пришлю вам горничную.

– Я не замужем, – зачем-то брякнула я.

Мужчина окинул меня долгим потемневшим взглядом, и его губы дрогнули в намеке на улыбку.

– Это радует, мадмуазель, – пробормотал он так тихо, что я еле расслышала, и шагнул к выходу.

– Подождите! – вскрикнула я, внезапно испугавшись его ухода. – Я хочу знать... – я смутилась и покраснела, – кто меня раздел?

– Я, – его тон был абсолютно спокоен, но в потемневших глазах бушевал настоящий ураган.

– Да как вы посмели! – я от возмущения даже села.

– Ваша одежда была мокрой и пришла в негодность. Я должен был избавить вас от нее, иначе вы бы заболели еще сильнее.

– И вам пришлось делать это собственноручно? – язвительно усмехнулась я.

– К сожалению, кроме меня и моего коня в лесу больше никого не было, – невозмутимо пояснил этот гад. – Я думал привести вас в замок и сдать на руки служанкам, но вы сильно замерзли, ваше тело утратило чувствительность. Пришлось срочно принимать меры, ведь вы могли умереть.

– И какие же меры вы приняли, сударь?

– Растер ваше тело и закутал в собственный плащ. Не беспокойтесь. Я был предельно деликатен.

С этими словами он развернулся на каблуках и, по-солдатски чеканя шаг, исчез за дверями.

Я проследила за ним взглядом, а потом устало откинулась на подушки. Солнце за окном уже клонилось к западу. Сколько же времени? Часов пять-шесть? А кормить меня так и не собираются. Обидно!

Не прошло и пяти минут, как дверь снова отворилась и моим глазам предстала изумительная композиция.

Впереди вышагивал уже знакомый Жако, гордо неся свою лакейскую морду в напудренном парике. За ним – девушка в скромном платье с белоснежным передничком и в чепце с острыми концами. Последним вошел мальчишка лет четырнадцати с поварским колпаком на голове. В руках он держал поднос с долгожданной едой, от которой исходил ни с чем не сравнимый аромат.

И вот вся эта братия выстроилась рядком перед кроватью.

– Мадемуазель Катрин, – лакей услужливо согнулся в поклоне, – я личный камердинер герцога д'Арвентильского. Для вас просто Жако. Это Розетта, – он указал на девушку, присевшую в книксене, – ваша горничная. А это младший помощник главного повара Анри. Вы можете рассказать ему о ваших любимых блюдах, и они в кратчайшее время будут у вас на столе. А пока Его Светлость приказали подать вам то, что наш повар успел создать за пару минут.

Поваренок ловко поставил поднос на небольшой столик и придвинул его так, чтобы я могла есть, не вставая с кровати.

Так, посмотрим, что тут у нас... Поджаренные хлебцы, ломтики сыра и гроздь винограда. Все живописно разложено на фарфоровых с позолотой тарелках. Сбоку поблескивает багрянцем бокал красного вина. М-м-м-ням! Хотя, вместо вина я бы предпочла кофе.

От запаха сыра я едва не упала в голодный обморок. Желудок мучительно сжался, требуя внимания. С трудом поборов головокружение, я положила кусочек сыра на хлебец и, едва не рыча, впилась в него зубами. Ни говорить, ни думать на данный момент я не была способна.

Когда тарелки опустели, я сыто погладила свой животик и уже более благосклонно взглянула на замерших слуг.

– Спасибо, конечно, за легкий перекус, но хотелось бы чего-то более весомого, – сказала я. – Обед ведь уже прошел? Неужели не осталось ничего, кроме сыра и вина?

– Простите, мадемуазель, – Жако сдержанно поклонился, – но нам не известны ваши предпочтения. Его Светлость неприхотлив в еде, и у нас давно не было гостей. Поэтому мессир Язон приказал отменить обеды и распустить кухонную челядь. А мы, слуги, питаемся отдельно, но вряд листряпня нашей кухарки придется вам по вкусу. Сегодня по приказу Его Светлости лучший повар замка снова надел свой колпак, так что все ваши пожелания касательно ужина будут учтены.

Я наморщила лоб, пытаюсь произвести нехитрые подсчеты. В замке обитает человек триста, не меньше – по крайней мере, я так прикинула по той толпе, которую видела вчера. И на

всех одна кухарка?! Бедная женщина, она, наверное, даже спит в своих кастрюлях. Этот герцог настоящий эксплуататор! А остальные обитательницы замка? Сомневаюсь, что их жизнь хоть немного легче. Помнится, в старину женщина вообще считалась недочеловеком, таким придатком своего мужа и господина.

Как жаль, что сюда еще не дошли идеи эмансипации и феминизма, хотя... кто мне мешает начать вести среди этих затюканных женщин просветительную работу? Все равно, судя по всему, выбраться отсюда я пока не смогу.

– И как же одна кухарка умудряется готовить на всех? – поинтересовалась я.

– Ей помогают служанки. Но вряд ли вас должно это интересовать.

– Ладно, если ваше меню – такая страшная тайна, то не буду настаивать. Но я все еще хочу есть. Меня вполне устроит борщ, яичница с егерскими колбасками, какой-нибудь мясной салат и чашка кофе. И еще, я предпочитаю кофе крепкий и сладкий. Можно со сливками.

По мере того, как я перечисляла свои пожелания, брови Жако поднимались все выше и выше, хотя он всеми силами пытался выглядеть невозмутимо. Девушка с поваренком тоже обменялись изумленными взглядами. В чем дело? У них такое не едят?

– Я передам ваши пожелания мсье повару, – лаконично заключил камердинер и покинул комнату вместе с мальчишкой, не забывшим забрать поднос.

А горничная осталась. Вот теперь я увидела, что в руках она держала небольшой сверток, который оказался чем-то средним между ночной рубашкой монашенки и больничным халатом.

Я скептически разглядывала это нечто, заботливо разложенное передо мной на покрывале. Ткань нежно-персикового цвета, плотная, но мягкая, похожая на фланель. Длина – до пят, длинные рукава с ленточками на запястьях, глухой ворот с завязками под горлом. По подолу и обшлагам узкий кружевной волан. Ни выточек в области груди, ни намека на талию. Мешок с завязками.

– Предполагается, что я должна это надеть? – скептически хмыкнула я. – А нижнее белье?

Горничная густо покраснела.

– Простите, миледи, но это лучшая рубашка Георгины де Верней – покойной матушки Его Светлости.

Я поперхнулась собственной слюной и закашлялась до слез. Вот одежду с покойников мне еще носить не приходилось!

Захлебываясь кашлем и невразумительно мыча, я замахала руками, отпихивая от себя щедрый подарок. Лучше уж в одеяле, чем в рубашке покойницы!

Испуганная горничная непонимающе вытаращилась на меня, а я, справившись с кашлем, решила прояснить вопрос с одеждой раз и навсегда. Брезгливо взялась за кончик рубашки покойной герцогини, аккуратно приподняла двумя пальчиками и тоном записной стервы заявила:

– Я еще не настолько стара, чтобы рядиться в саван. Если ваш хозяин не может предоставить мне нормальную одежду, то пусть вернет мою. Этого будет вполне достаточно.

Розетта поспешила откланяться и сбежала, прихватив с собой герцогский презент. А я с тяжелым вздохом начала подводить итоги этого сумасшедшего дня.

Итак, что мы имеем. Во-первых, голова трещит, как и прежде; температура, судя по ощущениям, градусов тридцать восемь, не меньше. В горле колет, как бы ангина не началась. Но это еще можно терпеть скрепя сердце. В конце концов, я всегда гордилась крепким иммунитетом.

Во-вторых, я попала в странный замок, полный тайн и недомолвок. Хозяин здесь скрытый психопат в период обострения маниакально-депрессивного психоза, а из его слуг мало кто выглядит адекватным и знакомым с личной гигиеной. Гнилые зубы, щербатые рты, сальные волосы и жуткий запах застарелого пота – вот неполный список того, что я заметила во вчерашней толпе, которая так хотела меня растерзать. Даже в том состоянии аффекта, в котором я тогда пребывала, невозможно было не увидеть их жалкое состояние. Как они до этого

докатались? Где пасторальные пастушки и дебелые крестьянские девушки в стиле "кровь с молоком"? Где мужчины "косая сажень в плечах"? Такое ощущение, что здесь обитают одни бомжи, грязные и вонючие. Не удивлюсь, если местный "бомонд" страдает от вшей, чесотки, цинги и рахита, или чего похуже.

В-третьих, меня весьма интересует, долго ли я буду светить своей обнаженкой? Может, зря отказалась от той распашонки? Хотя, странное у этого герцога гостеприимство: то чуть не убил, то предлагает одежду с покойницы...

Распахнулась дверь, пропуская недовольного герцога с небольшим подносом в руке. На подносе высился одинокий стакан с мутно-зеленой жижей.

Его Светлость решительно прошагал к кровати, поставил поднос на столик, потом навис надо мной, подавляя своим ростом, и мрачно поинтересовался:

– Могу я узнать, почему вы отказались принять ту одежду, которую я вам послал?

– Чего уж тут непонятного. Я Розетте все доступно объяснила. Саваны не в моем вкусе, тем более с покойника.

На аристократическом лице Его Светлости заходили желваки, брови сурово сошлись на переносье, но у меня не было ни малейшего желания отступить.

– Если в вашем средневековье нет нормальной одежды, то отдайте мне мою.

Он неожиданно замер, потом глубоко вдохнул, будто пытаясь совладать с эмоциями, и вдруг тихо спросил:

– Вы сказали, средневековье? А какой, по-вашему, сейчас год?

– Какой у вас – не знаю, – язвительно фыркнула я, – а у нас две тысячи четырнадцатый от рождения Христова.

Их Светлость бледнела прямо на глазах. Я могла поклясться, что видела, как краски медленно сползают с его щек, делая его похожим на мертвеца. Лицо мужчины в один момент стало белее полотна, а плотно сжатые губы превратились в узкую полоску. Несколько мгновений он разглядывал меня каким-то отрешенным взглядом, потом вроде как очнулся и безжизненным голосом произнес:

– Лекарь приготовил новую порцию жаропонижающего отвара. Выпейте его и ложитесь спать. Насчёт одежды разберемся завтра, насчёт вашего меню тоже... Одна просьба: ночью по замку не бродить. Даже по нужде. Поверьте, это ради вашей же безопасности, – и он направился к дверям.

Э! Куда! А тайной поделиться?!

– Сударь, – черт, как там к герцогам обращаться нужно? – Светлость... Ваша...

– Просто Язон.

– А?

– Меня зовут Язон де Верней. Можете обращаться ко мне по имени. Что вы хотели?

– Станный у вас замок, Язон... Вы ничем поделиться не хотите?

Он криво усмехнулся, не отрывая пристального взгляда от моего лица. Я только сейчас заметила, что глаза у него черные, будто два бездонных омуты, а в глубине светится что-то такое... такое...

Он хмыкнул, разрывая наш контакт и резко отворачиваясь.

– Все вопросы завтра, – безапелляционным тоном заявил он. – А сейчас пейте свой отвар и постарайтесь уснуть.

"Постарайтесь уснуть!" – скривившись, я передразнила доблестного герцога.

Как он себе это представляет? С такой температурой? К тому же меня буквально разрывала жажда деятельности. Мало мне, наверное, было пыточной камеры, раз никак уgomониться

не могу. Но этот замок буквально напичкан тайнами! Если уж я здесь очутилась, то будет настоящим преступлением сидеть в углу и изображать мышь. Тем более, с моим-то характером!

Короче говоря, зеленую жижу в стакане я пить не стала – побрезговала, но дала себе слово, что едва все уснут, я обязательно прогуляюсь по замку в поисках кухни и кладовой. Помнится мне, что раньше термин "замок" был идентичен термину "крепость". А в крепостях, как известно, на случай осады всегда имелся запас продуктов. И мясо вяленое, м-м-м! Думаю, герцог не сильно обеднеет, если я умыкну пару окороков. А то на такой диете и помереть недолго.

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль

Демон – огромная черная зверюга – летел стрелой, подстегиваемый шенкелями седока. Язон припал к лошадиной гриве, мечтая лишь об одном: слиться воедино со стихией, стать таким же беспечным и равнодушным, как ветер, избавиться от этого странного томления, разрывающего его душу на части.

Глупец! О чем он думал? Тогда, в лесу, когда он понял, что не довезет девушку до дома, он вынужден был избавить ее от жалких клочков одежды и принять срочные меры. Он всеми силами старался не обращать внимания на ее тело, действовал по-военному быстро и точно, ведь от этого зависела ее жизнь.

Но когда она пришла в себя... в его кровати... такая хрупкая и беззащитная, в окружении всех этих подушек и одеял... Черт возьми, он едва сдержался, чтобы не наброситься на нее! Что это? Помутнение сознания, или у него просто слишком долго не было женщины?

Он закрыл глаза, позволяя коню самому выбирать дорогу, но перед внутренним взором так и стояло бледное девичье лицо с разметавшимися рыжими волосами и настороженным взглядом. Она была укрыта по самый подбородок, но стоило ему приблизиться к ней, как у него перехватило дыхание. Он слишком отчетливо помнил гладкость ее кожи и нежную округлость груди, которую еще недавно мог лицезреть собственными глазами.

Нет-нет, так нельзя. Он же не конюх какой-нибудь, мечтающий затащить горничную на сеновал! Он – герцог д'Арвентиль, а мадемуазель – его гостья. Он должен выбросить из головы эти недостойные мысли и подумать о том, как сделать ее пребывание в замке комфортнее.

Остановив коня у подножия холма, Язон обернулся на запад и несколько мгновений следил за тем, как солнечный диск медленно исчезает за кромкой леса. Он знал, что как только исчезнет последний луч, темнота накроет не только землю, но и его сознание. До самого рассвета, пока он вновь чудесным образом не окажется в своей постели...

В своей постели!!! Внезапная мысль пронзила Язона. Девушка лежала в его постели!

Он развернул Демона, еще надеясь успеть вернуться в замок до заката. Но удача явно была не на его стороне. Конь едва успел достигнуть середины холма, когда последний луч исчез за горизонтом, и тяжелое тело герцога мешком свалилось в траву.

Катерина

Немного полежав и послушав голодное бурчание в животе, я вылезла из постели и сорвала с нее простыню. Замоталась в прохладный шелк, сотворив нечто вроде примитивной тоги, и прошлепала к окну.

Подоконник – каменный и широкий – оказался на уровне моей груди. Я с трудом смогла подтянуть к нему тяжелое кресло, залезла с ногами и комфортно устроилась, подложив под

попу подушку. Вид из окна открывался просто сногшибательный: замковый двор, зубчатые башни, каменные стены, ров, холм и лес, лес, лес – насколько хватает глаз, до самого горизонта.

В нескольких местах темную лесную чащу пронизывали голубые ленты рек: одна широкая и штук пять тоненьких – ручьи, наверное. А сверху обалденное предзакатное небо: чуть подсвеченные заходящими лучами облака, летящие в медленно сереющей вышине. Да, в городе такое не увидишь. Все-таки у жизни на лоне природы есть свои положительные стороны.

Темная точка привлекла мое внимание. По узкой ленте дороги от подножия холма к замку во весь опор летел всадник на здоровом черном скакуне. Темный плащ развевался за его спиной, точно крылья летучей мыши. Я не могла разглядеть его лица с такого расстояния, но интуиция подсказала, что это герцог. Он так спешил, будто пытался обогнать ветер.

Я увидела, что люди, еще недавно суетившиеся во дворе, стараются побыстрее покинуть улицу и скрыться под сводами замка. Неужели у них у всех боязнь темноты?

А потом случилось что-то странное. Едва исчез последний отблеск солнца, как на небе, будто из ниоткуда, возникла огромная кроваво-красная луна. Мой взгляд буквально прикипел к одинокому всаднику. В зловещем багряном свете его темный силуэт вдруг озарился каким-то потусторонним голубоватым сиянием. Конь встал на дыбы, роняя седока, и рванул в сторону, испаряясь в воздухе, словно дым, прямо на моих глазах. А мужчина так и остался лежать на земле неподвижной тенью.

Отшатнувшись от окна, я в ужасе приложила ладони к щекам, потом потрогала лоб. Температура? Галлюцинации? Или в этом мире есть магия? Вот только классического попаданства мне и не хватало! Замок есть, кандидат на роль главного героя (или злодея) тоже есть, теперь вот магия появилась. Что там дальше по списку? И куда исчезла эта чертова коняга?

Я осторожно выглянула наружу. Там, где упал герцог, теперь было пусто. Лишь пологий склон холма и узкая лента дороги – и ни единого живого существа.

А потом ночную тишину разорвал леденящий душу звериный вой!..

За дверями комнаты что-то заскреблось, я услышала странные шорохи и приглушенное попискивание. Мыши?! Потом – стук когтей по каменному полу. Сразу вспомнились волки и лисы, встретившиеся вчера ночью. Неужели герцог держит их днем под замком, а на ночь выпускает для охраны? И не боится? Это же дикие животные!

Неожиданно дверь в спальню стала медленно отворяться, будто кто-то настойчиво, но неумело толкал ее с той стороны. Я испуганно сжалась на своем насесте, поплотнее запахивая простынь.

В небольшую щель показалась остроносая рыжая мордочка. В свете луны глаза лисы блестели, будто две спелые вишни, когда она вполне осмысленно посмотрела в мою сторону. Я почувствовала, как паника поднимается внутри меня неудержимой волной. Дикое животное! Здесь! В этой комнате! А я в простыне!

Нет, это была не паника, это была самая настоящая ярость, и предназначалась она чёртову герцогу. Вот же гад, знал, что у них здесь звери бродят! Недаром советовал ночью по замку не шататься. А почему тогда двери не запер? А если б я сейчас спала?!

Затаив дыхание, я наблюдала, как дверь распахнулась еще шире, и ко мне шустро юркнуло огненно-рыжее тельце с вполне добродушной мордочкой и роскошным хвостом. А вслед за лисой протиснулся поджарый волк серой масти с подпалинами на боках. Эти двое быстро обнюхали в комнате все углы, а потом по-хозяйски устроились на полу возле подоконника. Что это, сторожить будут?

Я попробовала опустить ноги. Волк тут же вскочил и зарычал, совсем не смешно обнажая зубы. Лисица нервно затыкала, встав на задние лапы, а передними упершись в стену под моим

насестом. Обложили, гады! А вдруг у них бешенство? Что мне теперь, всю ночь сидеть на подоконнике?

– Хороший волк, хороший, – произнесла я дрожащим тоном, чувствуя себя абсолютной дурой. – Не надо на меня рычать...

Странное дело, но звук моего голоса подействовал на животных успокаивающе. Они вполне мирно облизались и снова легли.

Жуткий вой раздался во второй раз, но теперь уже гораздо ближе. Я осторожно выглянула на улицу и едва не свалилась на пол от изумления. От замка по дороге к лесу быстро двигалась темная шевелящаяся масса. Без очков толком ничего не разобрать, но я каким-то шестым чувством поняла, что это дикие животные. Те самые, что я видела вчера ночью. Их тут сотни! И все они, будто река, устремились к подножию холма, спеша побыстрее покинуть мрачные стены.

Несколько минут я наблюдала этот звериный исход, а потом меня вновь заставил вздрогнуть этот леденящий душу вой.

Я обвела взглядом окрестности и наконец-то увидела Его. Прямо под стенами замка стояла уже знакомая высокая фигура с чуть сгорбленной спиной. Сейчас, когда я глядела на него сверху вниз, да еще и луна освещала двор, я вполне смогла разглядеть это загадочное чудовище. Короткие кривые ноги, непомерно длинные руки с лопатообразными ладонями, мощные плечи и грудь, длинный торс и короткий волчий хвост. Этот зверь стоял на двух ногах, но сильно ссутулившись и опустив руки вдоль тела, будто горилла.

Его задранная вверх морда напоминала гротескную маску: волчьи черты казались очеловеченными в обманчивом лунном свете. Он водил носом, будто ловил чей-то запах, а потом снова завыл так, что у меня по телу забегали перепуганные мурашки.

Позади меня в комнате раздался тихий скулеж. Я обернулась. Похоже, что мои четвероногие охранники взволновались. Волк поскуливал, выжидая, глядя в сторону дверей, а вот лиса то нервно металась по комнате, то замирала, нюхая воздух.

Неожиданная догадка пронзила мой мозг.

– Эй, – хриплым от простуды голосом позвала я, – зверюшки, этот монстрик – ваш босс?

Лиса затаивка, будто и в самом деле собралась отвечать на мой вопрос, а вот волк переместился поближе к дверям.

Я задержала дыхание, услышав тяжелые шаги, приближающиеся к спальне. Кто-то огромный и тяжелый шел сейчас по коридору, дыша так шумно, что было слышно даже здесь. И моя интуиция подсказывала, что с этим существом я уже знакома.

На этот раз двери распахнулись с такой силой, будто их пытались снести. Я вжалась в оконный переплет, мечтая стать маленькой и незаметной, но не тут-то было! Огромная зверюга с утробным рычанием ввалилась в комнату и обвела присутствующих абсолютно невменяемым взглядом. Лис и волк тут же испарились из поля зрения, банально проскочив под ногами у монстра. Я лишь успела краем глаза отметить, как кончик рыжего хвоста мелькнул, исчезая в темноте коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.